

.....

Юридические науки

.....

Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. № 2. С. 116–122
The Territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2022. № 2. P. 116–122

Научная статья
УДК 347.4
DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/116-122>

Юридическая сущность смарт-контрактов в российском и зарубежном законодательстве: опыт сравнительного правоведения

Вронская Мария Владимировна

Швец Наталья Сергеевна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Россия

Аннотация. Предметом исследования является российское и зарубежное законодательство о смарт-контрактах. Авторы подробно рассматривают используемые законодателями подходы к определению юридической сущности смарт-контрактов. Особое внимание уделяется преимуществам и недостаткам законодательного установления смарт-контрактов как автоматизированного способа исполнения обязательств, компьютерной программы и договора. Основным выводом выступает признание права на существование рассмотренных подходов к определению юридической сущности смарт-контрактов в связи со специфической технико-правовой природой последних.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, договор.

Для цитирования: Вронская М.В., Швец Н.С. Юридическая сущность смарт-контрактов в российском и зарубежном законодательстве: опыт сравнительного правоведения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. № 2. С. 116–122. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/116-122>.

.....

Law sciences

.....

Original article

The legal essence of smart contracts in Russian and foreign legislation: the experience of comparative jurisprudence

Mariya V. Vronskaya

Natalya S. Shvets

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Abstract. The subject of the research is the Russian and foreign legislation on smart contracts. The authors examine in detail the approaches used by legislators to determine the legal essence of smart contracts. Par-

© Вронская М.В., 2022

© Швец Н.С., 2022

ticular attention is paid to the advantages and disadvantages of legislative establishment of smart contracts as an automated way of fulfilling obligations, computer program and contract. The main conclusions of the authors are the recognition of the right to the existence of the considered approaches to the definition of the legal essence of smart contracts in connection with the specific technical and legal nature of the latter.

For citation: Zhang Sanqiang. Does Multiculturalism Transcend Time and Space? // Territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2022. № 2. P. 116–122. DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/116-122>.

Введение

Интенсивное развитие современных информационных технологий, цифровизация различных сфер жизнедеятельности постиндустриального общества привели к столкновению юридической науки и практики с новыми явлениями. Таким новым и вместе с тем перспективным явлением для всего правового мира выступает смарт-контракт.

Цель работы: исследовать используемые законодателями подходы к определению юридической сущности смарт-контрактов. Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач: анализ существующих подходов к правовой природе смарт-контракта, выделение преимуществ и недостатков законодательного установления смарт-контрактов как автоматизированного способа исполнения обязательств, компьютерной программы и договора.

Предметом исследования выступает российское и зарубежное законодательство о смарт-контрактах. *Источниковую базу* составили нормативные правовые акты различного уровня юридической силы, отдельные научные труды в области применения смарт-контрактов.

Методологическая основа. В статье были использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частноправовые методы (сравнительно-правовой и формально-юридический).

Основная часть

Смарт-контракты вошли в нашу жизнь сравнительно недавно. Несмотря на то что идея и концепция смарт-контрактов появились в 90-е годы, по-настоящему раскрыть потенциал смарт-контрактов удалось только с развитием технологии распределенного реестра (блокчейн).

Основные особенности смарт-контрактов:

- автономность: исполнителем смарт-контракта выступает компьютер, человеческое участие не требуется;
- иммутабельность (неизменяемость): после запуска смарт-контракт изменить нельзя;
- децентрализованность: смарт-контракты не хранятся на одном конкретном компьютере, напротив, все узлы в сети имеют один и тот же смарт-контракт в одном и том же состоянии;
- самоисполняемость: смарт-контракт исполняется самостоятельно, если выполнены все условия.

Единый подход к сущности смарт-контракта в настоящее время отсутствует. Ученые-цивилисты выделяют технический и юридический подходы к пониманию природы смарт-контракта. Смарт-контракт может пониматься как компью-

терная программа или компьютерный код согласно техническому подходу. С точки зрения юридического подхода смарт-контракт может пониматься как самостоятельный договор, способ исполнения обязательств, способ обеспечения исполнения обязательств.

В мире правовое регулирование смарт-контрактов находится на начальном этапе становления. Подходы законодателей к определению юридической сущности смарт-контрактов различны, имеют свои преимущества и недостатки. Обратимся к российскому и зарубежному законодательству для того, чтобы убедиться в этом.

В российском законодательстве упоминание о смарт-контракте без прямого использования самого термина можно найти в ч. 2 ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации [6] и п. 9 ч. 1 ст. 3, п. 2 ст. 4 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10]. Стороны могут достичь соглашения об автоматическом исполнении обязательства с использованием определенного, заранее согласованного алгоритма. Такое исполнение обязательств российский закон не запрещает. Содержащиеся в вышеуказанных статьях формулировки свидетельствуют о том, что под смарт-контрактом понимается автоматизированный способ исполнения обязательства, исключающий необходимость выражения отдельного волеизъявления, направленного на исполнение обязательства. Преимуществами данного подхода к сущности смарт-контракта являются верное определение основной функции смарт-контракта (функции способа исполнения обязательства), «безболезненное» внедрение технологии смарт-контрактов в российское гражданское законодательство, которое не требует изменений уже существующих правовых моделей и принятия нового закона. Вследствие этого указанное понимание смарт-контракта является перспективным с практической точки зрения, но при этом с теоретической точки зрения не учитывается специфика заключения соглашения, осуществления прав и исполнения обязанностей сторон сделки, прекращения отношений.

Наиболее развито правовое регулирование смарт-контрактов в США. Объединенный экономический комитет Конгресса США в своем отчете 2018 г. отметил, что сама концепция смарт-контрактов коренится в базовом договорном праве, только выполнение контракта обеспечивает компьютерная программа [2, 210].

Законодательство в США относительно смарт-контрактов пошло по пути законодательства штатов; некоторые из них признали смарт-контракт не компьютерной программой, а договором (штат Иллинойс).

П.Н. Бирюков подразделяет законодательство штатов о смарт-контрактах на три группы [5, 10–12]. Законодательство первой группы регламентирует деятельность рабочих групп (комитетов), созданных для изучения смарт-контрактов. Комитетам поручается составить отчет для его представления законодательным органам штата, которые впоследствии решат принимать или не принимать законодательство о смарт-контрактах, и если принимать, то какое именно. Законодательство второй группы закрепляет основные концепции смарт-

контрактов. В штатах Арканзас, Мэриленд, Невада, Оклахома, Южная Дакота, Юта принято законодательство, устанавливающее базу для смарт-контрактов в торговле посредством добавления соответствующих определений в коммерческий (торговый) кодекс штата и признания правомерности смарт-контрактов при определенных обстоятельствах. Третья группа всесторонне и детально закрепляет в своем законодательстве смарт-контракты.

В 2017 г. в Пересмотренный Статут штата Аризона была внесена принятая Палатой представителей поправка, предусматривающая добавление в раздел 44 главы 26 Статута статьи 5. В данной статье содержатся определения терминов «блокчейн» и «смарт-контракт». Согласно статье смарт-контракт является программой, которая работает на условном блокчейне и которая опосредует некоторые договорные отношения по передаче какого-либо имущества от одного субъекта к другому. Следовательно, смарт-контракт – это программа, облегчающая исполнение традиционного договора, а не сам договор. В статье 5 установлено, что смарт-контракты могут свободно использоваться в коммерческой деятельности [1].

26 марта 2018 г. аналогичные поправки, признающие юридическую силу и технологии блокчейн и смарт-контрактов, были внесены и в Аннотированный Кодекс штата Теннесси. По закону ни один контракт, относящийся к транзакции, не может быть лишен юридической силы, действительности, принудительного исполнения, исключительно на том основании, что он содержит условие смарт-контракта [4].

В подходе аризонских и теннессиjsких законодателей к определению юридической сущности смарт-контракта сделан упор на его технологическую природу. Не подвергая сомнению тот факт, что смарт-контракт является компьютерной программой, невозможно определить его юридическую сущность исключительно подобным образом. Техническая сторона смарт-контракта не заменяет и не отменяет юридической сущности складывающихся отношений субъектов [7, 19].

В штате Иллинойс смарт-контракты получили всестороннее и детальное закрепление. В 2020 г. этот штат принял Закон о технологии блокчейна, признающий действительность смарт-контрактов и записей на основе блокчейна в торговых отношениях. Как следует из легального определения, смарт-контракт является традиционным договором, который хранится как электронная запись и проверяется с помощью блокчейна. Закон не допускает отказ смарт-контракту в юридической силе и исключение его из числа доказательств в суде. Указанный подход устанавливает, что смарт-контракт – это договор, опосредующий возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. К преимуществам данного подхода можно отнести признание смарт-контракта формой волеизъявления, его возможность быть доказательством в суде в случае возникновения спора и, как следствие, гарантии судебной защиты прав и интересов сторон, применяющих в своих отношениях смарт-контракты.

В Республике Беларусь легальное определение смарт-контракта содержится в п. 9 Приложения № 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря

2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) [8]. Определение напоминает легальные определения арizonских и теннессиjsких законодателей; выводы законодателей о правовой сущности смарт-контракта также сходны. Подпункт 5.3 п. 5 Декрета № 8 закрепляет презумпцию надлежащей осведомленности совершившего сделку с помощью смарт-контракта лица об условиях данной сделки. Таким образом, в случае спора на указанное лицо возлагается бремя доказывания своей неосведомленности об условиях такой сделки. Но круг субъектов, обладающих правом совершать и (или) исполнять сделки посредством смарт-контрактов, в Республике Беларусь ограничен. Подпункт 5.3 п. 5 Декрета № 8 закрепляет такое право только за резидентами Парка высоких технологий (далее – ПВТ). Кроме резидентов ПВТ, право осуществлять свою деятельность с помощью смарт-контракта получили Национальный банк и участники системы идентификации согласно ч. 1 подп. 1.13 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 148 «О цифровых банковских технологиях» (далее – Указ № 148) [9]. Справедливо, что в отношении физических лиц совершение и (или) исполнение указанных в ч. 1 подп. 1.13 п. 1 Указа № 148 действий осуществляется с соблюдением требований законодательства о защите прав потребителей.

В Итальянской Республике 7 февраля 2019 г. был принят Закон о распределенном реестре. В соответствии с ним смарт-контракт – компьютерная программа, основанная на блокчейн-технологиях, автоматически исполняющаяся согласно оговоренным двумя или более сторонами условиям. Смарт-контракт отвечает требованиям письменной формы договора после идентификации заинтересованных сторон через процедуру, установленную Цифровым Агентством Италии [3]. Следовательно, в Италии к определению смарт-контракта применяется технико-ориентированный подход (смарт-контракт как компьютерная программа).

Выводы

Рассмотренное законодательство о смарт-контрактах Российской Федерации, отдельных штатов США, Республики Беларусь и Итальянской Республики свидетельствует о признании за смарт-контрактами юридической силы, возможности их применения в коммерческой деятельности. При этом в связи со специфической технико-правовой природой смарт-контракт законодателями вышеуказанных государств определяется по-разному: как автоматизированный способ исполнения обязательства, программа (программный код) или как договор, исполняемый посредством функционирования компьютерной программы.

Технико-ориентированный подход к сущности смарт-контракта является преобладающим в зарубежном законодательстве. Данный подход раскрывает лишь техническую сторону смарт-контракта, но при этом не объясняет его договорно-правовые особенности.

Договорный подход к пониманию юридической сущности смарт-контракта в отличие от других подходов позволяет создать необходимые правовые условия для широкого использования смарт-контрактов в гражданском обороте, а также защиты прав и законных интересов сторон такого договора.

Список источников

1. Arizona House Bill 2417 // legiscan.com. 2017. URL: <https://clck.ru/fbZEB>.
2. Report of the Joint Economic Committee Congress of the United States on the 2018 Economic Report of the President // Congress.gov. 2018. Mar.13. URL: <https://clck.ru/fbZJ7>.
3. Proposta di modifica n. 8.0.3 al DDL n. 989 // senato.it – Senato della Repubblica. URL: <https://clck.ru/fFDGK>.
4. Tennessee House Bill 1507 // legiscan.com. 2018. URL: <https://clck.ru/fbZGB>.
5. Бирюков П.Н. Смарт-контракты: правовое регулирование / Юридический факультет ВГУ. URL: <https://clck.ru/fbZKc>.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
7. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: монография / под общ. ред. А.А. Волоса. Москва: Проспект, 2021. 224 с.
8. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://clck.ru/UeMdr>.
9. О цифровых банковских технологиях: Указ Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 № 148 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://clck.ru/fbZCH>.
10. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: <https://clck.ru/SUtuo>.

References

1. Arizona House Bill 2417 // legiscan.com. 2017. URL: <https://clck.ru/fbZEB>.
2. Report of the Joint Economic Committee Congress of the United States on the 2018 Economic Report of the President // Congress.gov. 2018. Mar.13. URL: <https://clck.ru/fbZJ7>.
3. Proposta di modifica n. 8.0.3 al DDL n. 989 // senato.it – Senato della Repubblica. URL: <https://clck.ru/fFDGK>.
4. Tennessee House Bill 1507 // legiscan.com. 2018. URL: <https://clck.ru/fbZGB>.
5. Biryukov P.N. Smart contracts: legal regulation // Law Faculty of VSU. URL: <https://clck.ru/fbZKc>.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on June 28, 2021) // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
7. The concept of legal regulation of relations complicated by the use of smart contracts: monograph / under the general editorship of A.A. Volos. Moscow: Prospekt, 2021. 224 p.
8. On the development of the digital economy: Decree of the President of the Republic of Belarus dated December 21, 2017 No. 8 // Official Internet portal of the President of the Republic of Belarus. URL: <https://clck.ru/UeMdr>.
9. *On digital banking technologies: Decree of the President of the Republic of Belarus dated April 18, 2019; (148)* // Official Internet portal of the President of the Republic of Belarus. URL: <https://clck.ru/fbZCH>.
10. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 // ConsultantPlus. URL: <https://clck.ru/SUtuo>.

Информация об авторах:

Вронская Мария Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВГУЭС, г. Владивосток. E-mail: m.vronskaya@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5942-1158>

Швец Наталья Сергеевна, специалист II категории Департамента международной и культурной деятельности ВГУЭС, г. Владивосток. E-mail: natalya.shvets22@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-1/116-122>

Дата поступления:
16.05.2022

Одобрена после рецензирования:
24.05.2022

Принята к публикации:
25.05.2022